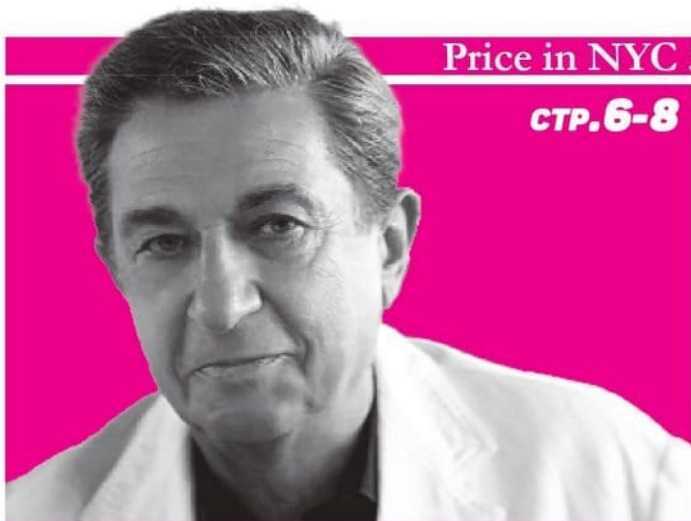

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР. 6-8

НЕ ХОЧУ МЕНЯТЬСЯ

ПРО СВОБОДУ

СТР. 5

Б

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№5 (138)
ФЕВРАЛЬ 2023

УЛЬВАРНИК
НОВОС

СТР. 10-11

СТР. 14-17

**ЧЕЛОВЕК
С ЛЕГЕНДОЙ**

ИКОНА
СТИЛЯ:
**ШЭРОН
ТЕЙТ**

ЧЕЛОВЕК С ЛЕГЕНДОЙ

На Западе его называли «секретным посланником Кремля» и «советским Джеймсом Бондом». Кем был Виктор Луи на самом деле - разведчиком, тайным посредником в переговорах сильных мира сего или просто удачливым авантюристом - до сих пор остается тайной.

Геннадий Норд

Виктор Луи - человек необыкновенной и трагической судьбы, необычайно находчивый и даже склонный к авантюризму, он находил выход из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций. Кем же он был на самом деле? Как добывал секретные сведения для своих сенсационных репортажей?

Впервые Виктор Луи рассказал о себе. Он был уже тяжело болен, когда решил рассказать всю правду, но завещал опубликовать эти мемуары только после его смерти.

Уникальные воспоминания Виктора Луи записал его друг, известный публицист, а в прошлом - разведчик высочайшего класса Вячеслав Кеворков.

«Виктор Луи: человек с легендой» - книга, написанная Кеворковым на основе воспоминаний, продиктованных автором самим королем дезинформации.

О чем же поведает этот уникальный человек? О том, как двадцатилетним юношей получил 25 лет лагерей за «шпионаж в пользу десяти разведок», но сумел избежать расправы уголовников, предсказав смерть Сталина. О скандальных мемуарах Светланы Алилуевой, которые передал на Запад, а также о том, как первым сообщил иностранным СМИ секретную информацию о грядущей отставке Хрущева и передал американцам для публикации надиктованные на магнитофон мемуары Первого секретаря ЦК КПСС.

«Виктор Луи - гражданин СССР и корреспондент английской газеты (безprecedентное сочетание), активный и многолетний агент КГБ, выполняющий

Валерий Тарсис

самые деликатные и провокационные поручения. Говорят, сотрудничать с КГБ он стал в лагере, куда попал много лет назад. КГБ платит ему очень своеобразно - разрешая различные спекулятивные операции с картинами, иконами и валютой, за которые другой давно бы уже жестоко поплатился».

Так написал о Луи академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

Виктор Луи, настоящее имя Виталий Евгеньевич Левин, ныне более или менее известен. О нем сняты фильмы, написаны книги. Но интерес к нему не пропадает, и он вполне оправдан.

Будучи советским гражданином, он работал в британской и американской прессе, выполнял деликатные поруче-

ния КГБ во многих странах мира, был мощным игроком на полях идеологической войны.

Наиболее ранняя более или менее достоверная дата его биографии 1944 год. С этого времени 16-летний московский подросток работает в составе обслуживающего персонала различных иностранных посольств в столице.

Учитывая дворянское, да еще вдобавок и немецкое, его происхождение, - место работы довольно необычное. Как бы то ни было, а два года спустя, в 1946-м, Виктор Луи был арестован и приговорен Особым совещанием к 25 годам лишения свободы за шпионаж в пользу нескольких иностранных разведок.

В лагере провел он, однако, только часть срока, выйдя на свободу вскоре после XX съезда партии.

Как утверждали впоследствии некоторые, в лагере он был стукачом. Несмотря на то, что информация эта исходила от А. И. Солженицына, лица, как мы увидим далее, лично обожженного на Луи, она, скорее всего, верна.

По словам израильского журналиста и писателя Давида Маркиша, «бывший зек, сразу же после возвращения с зоны был принят на работу в одну из шведских газет и получил аккредитацию в советском МИДе. Такой головокружительный взлет не мог остаться без вопросов».

Однако западные спецслужбы как раз нуждались именно в таком источнике. Американцы, как и немцы, искали альтернативные выходы на руководство Советского Союза, и услуги работавшего в Москве корреспондента были им кстати.

И Луи не обманул возлагавшихся на него надежд. Уже в 1958 г. он продал

западным СМИ стенограмму пленума Союза писателей СССР, на котором за публикацию романа «Доктора Живаго» из рядов СП был исключен Борис Пастернак.

В конце того же года Луи женился на англичанке Дженифер Стэтхэм, работавшей няней у одного из дипломатов в посольстве Великобритании в Москве, что упрочило его положение. Но не только. Прославленный журналист не слишком хорошо владел пером. Это был не его конек. Пролетать, куда другие не могут, выведать, разузнать - пожалуйста, а вот описать увиденное и услышанное... С текстами для газеты Виктору помогала жена.

Настоящий успех и слава пришли к Луи в 1964 году. В октябре он передал сенсационное сообщение об отставке Хрущева, причем за некоторое время до того, как об этом было официально объявлено.

Именно после этого его журналистская карьера резко пошла в гору: его приняли на работу в американскую телерадиосеть CBS, а затем помощником московского корреспондента американского журнала «Look» Эдмунда Стівенса и, наконец, корреспондентом британских газет «The Evening News» и «The Sunday Express».

Наматели рассчитывали, что новый московский корреспондент располагает уникальными источниками информации. И они не ошиблись: корреспонденции Луи часто имели сенсационный характер и охотно перепечатывались мировой прессой.

Независимые эксперты и люди из спецслужб внимательно вчитывались в материалы, подписанные Луи: закрытая ли это информация, которую Москва по тем или иным причинам решила предать гласности - или ловко скроенная политическая дезинформация?

Так или иначе, но имя Виктора Луи в скором времени стало известно в мире спецслужб ничуть не меньше, чем в газетном мире.

В деятельности Луи обозначилось совершенно новое направление: переправка на Запад запрещенных в СССР к публикации рукописей.

Одной из первых операций такого рода стали тексты советского писателя и переводчика Валерия Тарсиса (1906-1983).

Мать Валерия Яковлевича была украинкой; отец - греком, работавшим в Баку в весьма примечательном месте: на известном когда-то предприятии «Братия Нобель». Будучи арестованным в 1942 г., он умер в лагере.

Ходившие по рукам диссидентские произведения Тарсиса дошли до Хрущева, по указанию которого в 1962 г. его поместили в психбольницу, из которой - после организованных протестов на Западе - его пришлось через год выпустить.

Тогда-то к делу и подключили Луи. Через него переправили за границу неопубликованные рукописи. Самого же писателя, по совету того же журналиста, лишив гражданства и права возвращения в СССР, выслали из страны.

Костя Страментов, Виктор Горохов, Виктор Луи

После этого слух о человеке, способном решить проблемы, и пошел среди оппозиционной интеллигенции.

Для обольщения подобного рода дел и общения с просителями нужно было место.

Квартиры, которыми он владел не очень-то подходили.

Требовалось место более уединенное, вне городской черты.

Так в 1965 году у Луи появилась дача в примыкавшей к Переделкину юго-восточной лесной части Баковки. Там, где находился поселок газеты «Правда», а заодно и генеральские дачи. Дом поражал роскошью и комфортом. Там были неслыханные в то время теннисный корт и бассейн, коллекция картин и автомобилей.

С затаенной гордостью коллекционер Луи демонстрировал машины и ронял как бы невзначай:

— У меня их больше, чем у Брежнева.

Но не для того робкие интеллигенты, знаменитые, наезжали в Баковку, чтобы любоваться картинами и машинами. А наезжали они затем, чтобы просить о помощи: помогите, Виктор, опять выезд за границу закрыли, держат, не пускают никуда.

И Луи помогал: оформляли паспорт, выдавали командировочные. Кто у него только не перебывал в этой Баковке!

Из каких соображений помогал Виктор Луи? И требовалась ли расплата за такую помощь? Кто знает?

...Более-менее регулярно общались с Виктором шустрейшие ребята «на подхвате», промышлявшие кто чем может: сочинением средних стихов и облегченной прозы, торговлей книжными раритетами, а то и откровенной шмоточной фарцией. Эти ребята, обладавшие живым характером, носили общую кличку «лутта».

Их отношения с Виктором были скорее приятельскими, чем деловыми. Изрядная часть из них со временем взяла в жены иностранок и осела на Западе.

Описываемая далее деятельность Виктора Луи проходила в то время, когда председателем КГБ был Ю. В. Андропов, то есть в 1967–1982 годы.

По рассказам самого журналиста, он несколько раз встречался с Юрием Владимировичем лично.

Непосредственным куратором деятельности Виктора Луи в КГБ был генерал-майор Вячеслав Еранович Кеворков, полвека отдавший спецслужбам.

«Когда КГБ возглавил Юрий Андропов, — вспоминает он, — я стал у него кем-то вроде тайного советника, посла по особым поручениям. Юрий Владимирович доверял мне, и время от времени поручал разные деликатные дела».

А вот что он пишет о своем «подопечном»:

«Надо знать характер Виктора, ему было безумно интересно жить, он любил риск, с радостью бросался в любые авантюры, а КГБ давал шанс почувствовать, как играет адреналин в крови».

При этом Луи не являлся штатным сотрудником КГБ, не получал от нашей разведки за выполнение заданий ни копейки. Никогда и ничего! Принципиально протестовал все комбинации на свои.

В деньгах он не нуждался, поскольку обладал прекрасной предпринимательской жилкой и находил способы хорошо зарабатывать.

Деньги для Луи были средством, а не целью. Благодаря им, он жил на широкую ногу, устраивая шумные и многочисленные вечеринки у себя на даче в Переделкине. Туда слеталась вся московская бомонд — от творческой богемы до диссидентов-правозащитников!

Словом, мы даже не пытались формализовать отношения с Виктором. Он был плохо управляем, не терпел внешнего контроля, мог отбегивать что угодно, совершить экстравагантный поступок, поэтому неофициальные контакты нас полностью устраивали.

Андропов любил повторять:

— Мне с корреспондентами работать удобнее, чем с агентами.

Юрий Владимирович знал, что я доверяю Луи, и этого ему было вполне достаточно.

Виктор Луи — одна из самых мутных фигур московской богемы 60–80-х годов XX века. Ипостасей у него было много:

Виктор Луи с женой Дженифер и сыновьями Энтони, Николасом и Майклом

«независимый журналист», держатель салона, где тусила фрондирующая и фарфурная богема, муж англичанки, наконец, — ведь британскоподданная супруга в те годы была далеко не у каждого москвича или питерца.

Но весь этот романтический флер прикрывал главное: Виктор Луи работал на КГБ. Если точнее, он служил чистейшим неким заместителем центра общественных связей: Лубянке и тогда ведь нужно было сливать дезу, канализировать направленную информацию. Виктор Луи удостоился сомнительного титула чуть ли не лучшего «сливного бачка» госбезопасности за всю ее историю, порой его даже именуют настоящим асом дезинформации. Хотя это явное преувеличение: он был все же не творцом дезы, а лишь ее канализатором.

Виктор Луи умер в июле 1992 года во время операции по удалению опухоли печени, умер в достатке и даже богатстве, но забытый и презираемый даже своими бывшими работодателями. И это — единственный достоверный факт его биографии, поскольку все прочее в ней туманно.

Например, по сей день загадка, каковы же его настоящие имя-фамилия, в каком году и где он родился, кем были его папа-мама.

Есть десятки разных версий, но доподлинно о нем ничего не известно. Человек без имени, без родителей, без происхождения, неизвестно, как и откуда возникший.

Сам по себе стремление предельно законспирировать, закрыть свою биографию весьма показательно: было, значит, что скрывать и от кого. От бдительных органов? — Это вряд ли: уж они-то имели возможность проследить происхождение своего подопечного до седьмого колена. Значит, нечто темное и непрезентабельное в биографии затуманивали от тех, с кем муж англичанки общался, так сказать, по просьбе Службы.

Из сокрытого детства гражданина Луи нам придется перенестись сразу в годы его послевоенного отрочества и юности, затянутые той же мутью недоказанности. Луи сидел в лагерях — это единственное, что сходится у всех биографов. Но вот когда сел и за что, сколько

ко сидел — опять полный мрак. Версий столько, что истину они укроли надежно. Писали, что Луи был арестован в 1947 году, будучи студентом.

Генерал КГБ Вячеслав Кеворков пишет: «Оставшись мальчишкой в суровые военные годы круглым сиротой, он в четырнадцать лет попытался выжить, прислуживая в различных иностранных диппредставительствах в Москве, за что в пятнадцать лет был арестован и осужден на 25 лет концлагерей».

К слову, генерал КГБ, дружащий с «отсидевшим», — это нечто: с поправкой на порядки тех лет в органах такие связи без санкции свыше были просто невозможны.

Давид Маркиш упоминает, что Луи мальчишкой после войны сел за анекдот. Другие источники сообщают, что будущий муж англичанки трудился курьером в бразильском посольстве и сел в 1947-м; встречается и упоминание, что отсиджал он якобы за своих родителей, «врагов народа», правда Тьерри Вольтон уверял, что сел Луи не в 1947-м, а в начале 1950-х, не за политику, а за спекуляцию. Обилие версий умиляет — это характернейший признак легендирования для тех, кому есть, что легендаризовать. В сухом остатке все та же пустота: когда сел, куда сел, с кем сел, за что сел. Но никто и нигде не указал главного: по какой именно статье УК числился в зонах наш гражданин. Само же сокрытие статьи — факт, не нуждающийся в особом пояснении: в такие игры играли только компетентные органы.

И тут глаз цепляет главное: ряд версий так или иначе упоминает, что гражданин Луи до своей посадки — реальной или мнимой — работал в каком-то из зарубежных представительств в Москве. Какое именно, неважно, в принципе, ибо, собственно, дальше можно не продолжать. Поскольку в сталинские времена иностранцы в массовом порядке в Москве не водились, а водившиеся жили как в осажденной крепости, с советскими гражданами в свободном режиме не общались и общаться не могли, потому как любой контакт с ними советского человека был под контролем вездесущих органов.

Любой! И контактировать с иностранцами, даже и в качестве вольнонаем-

ных сотрудников диппредставительств, могли только специально на то уполномоченные товарищи: оперативные работники госбезопасности и их агенты-осведомители. Больше — никто. Любо, поступавший в качестве вольнонаемного на работу в посольство, должен был сотрудничать с органами. В общем, и так ясно, кем мог быть гражданин Луи, если он трудоустроился в каком-то посольстве.

Потому общепризнанную версию, что стучать он стал в лагерях, мы отвергаем как изначально методологически неверную: стучать он начал раньше. А как же лагеря? Ну, лагеря — и что? Стучач мог быть командирован в лагерь в рамках той или иной оперативной разработки — зря что ли Луи всю жизнь уходил при расспросах от четкого ответа на вопрос: статья и срок. То есть в одной зоне он стучал под прикрытием одной легенды, в другой — под крышей иной, классика жанра.

Что товарищ Луи стучал в лагерях, свидетельствует достаточно. Валерий Фрид в своей книге посвятил этому типуажу несколько страниц. Встретились они в лагере, когда к ним в барак зашел молодой человек в очках и спросил:

— Нет ли у кого шерсти на продажу? Старых свитеров, шарфов, носков? Можно грязные, рваные — это не играет роли. Платить будут хлебом.

Шерсть, как оказалось, требовалась для изготовления ковров лагерным начальству, а человек в очках был как бы агентом по снабжению.

«Шерсти у меня не было, — пишет Фрид. — Но, расспросив о моем деле и услышав, что я учился во ВГИКе...»

Нут прервусь: по неписаным лагерным нормам расспрашивать «о моем деле» было нельзя! Настоящие эзки так никогда не делали, потому, как это был типовой прием стучачей!

Продолжим: «Скупщик шерсти представлялся: Виктор Луи. Рассказал, что он тоже москвич, работал в посольстве — на чем и погорел».

Ага, сказка для идиотов: работал в посольстве, потому и сел — да кто б его вообще тогда близко подпустил к посоль-

Окончание. Начало на с. 15

ствам, не будь сей гражданин на доверенной связи с товарищем оперативником?! Зато неплохая легенда-прикрытие для лагеря: удобно втираться в доверие к лохам-интеллигентам.

А дальше Фрид в сопровождении Луи отправился навестить знаменитого режиссера и сценариста Каплера, который «сел», как известно, за роман с дочкой Сталина Светланой. Первое, что говорит Каплер товарищу по зоне прямо при Луи:

- Не хотите иметь крупных неприятностей, будьте очень осторожны с этим человеком. Вы думаете, я шушу? Совершенно серьезно: это очень опасный человек.

Потому как «опасный человек, оказывается, кроме обязанностей снабженца, исполнял и другие: был известным всему лагерю стукачом».

Стоит ли говорить, что безобидным тот стук быть не мог: советские органы жили по законам социалистической экономики, потому у них тоже был план - по стуку и посадкам.

Вольтов, ссылаясь на многочисленные свидетельства экс-заключенных, так и пишет:

«В лагере Виктор Луи являлся «стукачом». Он вступал в контакт в основном с заключенными-интеллигентами, завоевывал их доверие, фиксировал их откровения высказывания, затем сообщал о них руководству лагеря».

Ну, если уж быть точным, то доклады-вал он не руководству, конечно, а лагерному «куму» - заведующему оперностью, в ведении которого была агентура.

Тюрьма не деформировала Луи, - с придыханием пишет о своем приятеле гэбэшник генерал Кеворков. - В те времена за решеткой «отбывала срок» значительная часть интеллигенции страны. Как человек талантливый и дисциплинированный, он умудрился и лагерь превратить в «свой университет», выучив у сидевших за колечкой проволок видных специалистов английского и турецкого языки. Турецкий был, впрочем, вынужденным компромиссом, ибо большого лингвистического разнообразия лагерь не предлагал».

Да с чего бы это «деформироваться» лагерному «придурку», устроенному на теплое, сытное и непьющее место? А уж по части иностранной лингвистики лагерь, положим, вообще ничего не предлагал - не из-за отсутствия соответствующих кадров, последних там как раз хватало, и в избытке - по всем мыслимым и немыслимым языкам, вплоть до гуарани с гуджарати в придачу.

Только вот самодеятельное изучение иностранных языков в сталинском СССР, мягко говоря, не приветствовалось. Поэтому как вызвало естественный вопрос бдительных органов: «А зачем это вам, гражданин, вдруг понадобилось самому изучать вражеские языки? Никак в шпионы иностранцы хотите податься!»

Что ж, если Луи в узилище беспрестанно осваивал языки, пользуясь услугами филологов-заключенных, знать на то была воля, но вовсе не божья, а, напротив, курирующего его «кума». И кто знает, сколько наивных интеллигентов получили доводок с сроку благодаря доносам нашего скупщика шерсти с лингвистическим уклоном? План ведь надо было выполнять и перевыполнять, работа такая. За которую органы отплачивали добром - когда в эпоху хрущевского «реабилитанса» Луи покинул лагерь, то вернулся напрямую в Москву, а не на 101-й километр, как прочие.

Оказавшись на свободе, Луи женился на англичанке и стал работать в Москве, в качестве корреспондента английских газет. И ведь не просто работал, статейки как филолог пописывал, - официально был аккредитован в соответствующем качестве при МИД СССР - все как положено. Шведская газета, английская - вольные, однако ж, нравы были в хрущевской Москве! И ведь других таких «независимых журналистов» так и не обзаводилось, вплоть до краха СССР.

Жена-англичанка - круть по тем временам неимоверная. Нашему поколению такое трудно понять, но на брак с иностранкой советскому гражданину

Юрий Андропов

Никита Хрущев

в 1950-е годы, даже после смерти Сталина и начала «реабилитанса», требовалось разрешение компетентных органов. А без этого разрешения - никакого загса. К тому же, как ехидно заметил один коллега, «молодые британки в Москве 1950-х - не протолкнутесь».

По одной версии, его британскоподданную половину звали Дженнифер Стэтхэм (Jennifer Statham), по другой - Дженнифер Маргарет. Кто она была такая, как появилась в Москве, и каким образом экс-зэк сумел выйти на нее, знают лишь компетентные органы. Хотя, если верна информация, что была она няней в семье британского дипломата, уже понятно: к дипломатам Ее Величества товарищи в штатском подходе искали тщательно и со всех сторон, так что вполне стукачка «дипляне» выглядит вполне естественным.

Ну, а дальше уж вышло так, как вышло: стучак ведь был обаятелен, с хорошо подвешенным языком, манерен, на вид интеллигентен и поначалу славив. Да и романтический ореол жертвы кровавого режима, чуть ли не борца с ним, - наивные иностранчики от такого набора данных были падать в обморок - прямо как в объятия. Если это и не было изначально частью операции, то уж впоследствии, когда роман зашел далеко, неглупые кураторы вовремя сообразили, что жена-англичанка - это ж и дополнительный шарм-ореол, и главное, канал для слива направленной информации и дезинформации.

Так что зажил новобрачный сытно и счастливо, быстро прибавив к жене квартиру - первоначально трехкомнатную на Ленинском проспекте, дачу, а там еще - и троих сыновей.

Потом будут уже совсем не малометражка в высотке на Котельнической набережной, вилла в Баковке и одновременно фешенебельный дом в Лондоне. Все это - у советскоподданного и в вегетарианские времена Леонида Ильича!

Наверное, обзавестись особняком в Лондоне имел возможность каждый советский гражданин, да еще и не реабилитированный экс-зэк (данных, что гражданин Луи был реабилитирован, в природе нет - то ли проходил по общеуголовной статье, то ли и вовсе никакой статьи не было), да еще и беспартийный осведомитель.

Ну, да бог с ними, женой-англичанкой и сыновьями-полуангличанами, ведь у Луи начинается настоящая жизнь, его

таланты востребованы сразу по нескольким направлениям. Он (или кто-то за него) пишет в иностранные газеты, в частности в лондонскую Evening News («Ивинг Ньюс») о тайнах советской элиты, получая баснословные (по советским меркам) гонорары в валюте! Да, да, именно так: в то время, как обычных советских граждан сажали за сам факт обладания долларовой или фунтовой бумажкой, наиболее независимым из советских граждан эти бумажки позволялось получать, тратить и даже класть на счета в иностранных банках.

Ну, и попутно гражданин Луи держал тогда нечто вроде салона Веры Павловны. Как пишет известный журналист и литератор Андрей Мальгин, «в советское время в Москве существовало как минимум три диссидентских салона, по которым говорили, что они контролируются КГБ. Это квартира Брик - Катаняна, квартира Ники Щербаковой на Садовом кольце и дом Виктора Луи в Переделкино. Там всегда было людно, импортная выпивка имела в огромном количестве, людей окружала изысканная атмосфера - антиквариат, художественные шедевры по стенам, приятные, умные собеседники. Всегда в наличии были новинки западного кино и музыки, самиздат стоял открыто и был доступен всем желающим, имела свежая западная пресса».

То только не перебивал в салоне Веры Павловны... пардон, Виктора Евгеньевича Луи. Имена называюте солидные, уровня Евгения Евтушенко, к примеру. Но, как вспоминает Давид Маркиш, «знакомство с ним, от греха подальше, творческие интеллигенты не афишировали - но бывать у него на даче бывали, и охотно. А Виктор Евгеньевич принимал хлебосольно, показывал картины, коллекционную бронзу, скульптуры Эрнста Неизвестного в саду, шесть или семь роскошных автомобилей в гараже: «Порше», «Бентли», «Вольво».

В конце 1950-х - начале 1960-х годов Виктор Луи использовало пока еще Управление КГБ по Москве и Московской области. Как утверждает Вольтов, «офицеры КГБ презирали его из-за репутации Муды, которую он получил, находясь в лагере». Один из тех офицеров ехидно вспомнил, что в коридорах Лубянки «его с уважением» называли «наш Луи». Да уж, уважительней некуда, особенно если какую-нибудь букву заменить

Зато столичное управление не могло нарадоваться успехам своего быстро растущего агента в работе с иностранцами и бегомной публикой. Акции его росли, а звездный час пришелся на октябрь 1964 года. Тогда по поручению кураторов, уже из центрального аппарата КГБ, он первым из корреспондентов сообщил о свержении Никиты Хрущева - за несколько часов до официальной публикации. От удачного хода выиграли все: сам Луи, получивший баснословный гонорар и приглашение работать на солидное лондонское издание «Ивинг Ньюс», и его заказчики, выведшие своего агента на более высокую орбиту. Поскольку иных «независимых журналистов» в Советском Союзе тогда не было, и быть не могло.

Виктор Луи стал монополистом по части поставки на Запад баек и слухов о кремлевской элите. Другую сторону «железного занавеса» это тоже устраивало: какой-никакой, но канал неформальной коммуникации с Кремлем и Лубянской - все лучше, чем ничего.

Следующие операции с привлечением Луи еще более значимы и интересны, быть может, тем, что фигурант раскрылся во всей своей красе, как исполнитель инициативный, работающий с огнем и придумками, генерирующий идеи.

Наибольшую известность получила проведенная с его участием спецоперация по «заглушению» Хрущева-пенснера. Хотя Никита Сергеевич после свержения и обитал на своей даче под фактическим надзором приставленной охраны, Кремль беспокоило, что взбалмошный пенсионер может выкинуть какое-нибудь колечение - мемуары, к примеру, сочинить. Или болтуну кому чего лишнего про Брежнева со товарищи, о которых он знал все.

И процесс решено было взять под контроль, сыграв на опережение: к Хрущеву через его же детей подводит Виктора. Для начала, воспользовавшись знакомством с Ольгой Хрущевой и ее мужем, Виктор Луи напросился в гости к Никите Сергеевичу, приехав к нему на дачу со своей женой и портативной кинокамерой. Никита Сергеевич, изголодавшийся по общению, токовал, а Виктор Луи снимал. Спустя время на Западе появился сенсационный фильм про будни Хрущева-пенсионера, расшвыривший, представления Лада о стиле брежневской демократизации.

Но то был лишь первый ход.

Потому как следующим, был поистине изюминским: пусть пишет свой «мумуар», точнее, диктует - нашему человеку. Идею продвинули через сына Хрущева, Сергея, подведя к последнему «нашего Луи». Даже передали портативный магнитофончик, с которым Никита Сергеевич уже не расставался ни днем, ни ночью. Он теперь диктовал, и только диктовал. А надиктованное им, практически сразу ложилось на стол товарищей из КГБ. Спецоперацию контролировал лично председатель КГБ Юрий Андропов.

В изложении генерала Кеворкова это выглядело так:

- Мне должно, что и Хрущев теперь пишет, - бросил Кеворкову Андропов. - И что, к этому имеет отношение твой приятель, Виктор Луи.

Кеворков ответил, что ничего не может сказать по поводу их содержания, не знаком, мол.

Светлана Алилуева

- А надо было бы ознакомиться! - недобро возразил Андропов. - Хрущев - человек неуравновешенный и к тому же обиженный. Может легко пренебречь государственными интересами. Лучше всего, чтобы этих мемуаров не было бы вовсе. Но запрещать ему писать или поучать бывшего Первого секретаря нашей партии - не наше дело. А вот оберегать государственные интересы - наша прямая обязанность. Поэтому мы должны быть в курсе дела!

Но в курсе он был, поскольку регулярно поставляемая сыном Хрущева Сергеем гора надиктованных отцом магнитофонных пленок на столе у Луи катастрофически росла.

Дальше все было просто: ранним осенним утром корреспондент английской «Ивинг Ньюс» Виктор Луи сложил все надиктованные Хрущевым пленки в одну объемистую сумку и отправился в аэропорт Шереметьево, удачно преодолел погранично-таможенный барьер и самолетом английской авиакомпании благополучно отбыл в США, где и передал пленки для расшифровки - сами понимаете кому.

Вот так запросто взял и вылетел из Москвы в Штаты, чисто как в Сочи, с записями опального главы государства на пленках! Ни тебе виз, ни жесткого погранично-таможенного контроля.

Таким образом, Луи переправил на Запад мемуары Хрущева, наговоренные на магнитофонную пленку. При этом «все сомнительные», с точки зрения ЦК КПСС и КГБ, места из текста были вырезаны. Особенно упоминания, способные вызвать раздражение у Брежнева или у других членов Политбюро.

В итоге американцы опубликовали мемуары Хрущева, прошедшие цензуру КГБ, - блистательная спецоперация!

Правда, сын Сергей Хрущев позже утверждал, что, когда Виктор Луи «предложил мне спрятать материал у его тещи в Лондоне», у него «не было другого выхода», а так «я всегда мог сказать, что передал материал человеку из КГБ». Сделано это было якобы с согласия Никиты Сергеевича.

«Луи мне потом рассказывал, что на личной встрече с шефом КГБ Юрием Андроповым он проинформировал его об этом. Андропов только кивнул. А когда Луи спросил его, не хочет ли он это прочитать, Андропов покчал головой. Луи расценил это как сигнал того, что Андропов не будет ему мешать. И в самом деле, международный отдел КГБ помог ему вывезти из Советского Союза копии магнитных записей и рукописи».

Еще бы, зачем Андропову было читать, если он все это уже прослушал?

Несколько ранее у Луи была схожая по типу спецоперация - против дочери Сталина Светланы Алилуевой. Весной 1967 года Светлана бежала из СССР, что вызвало болезненную реакцию Политбюро. Да еще стало известно, что к 50-летию Октябрьского переворота Светлана намерена выпустить книгу. Стали спешно готовить контрмеры: подключили Виктора Луи.

Он моментально публикует на Западе компромат на Светлану: это, мол, якобы она в свое время разоблачила Андрея Синявского! В эту грубую ложь мало кто поверил, потому на следующем этапе по нежной «просьбе» товарищей из КГБ сын Светланы соглашается дать интервью Виктору Луи, в котором осуждает поступок матери. Но все это было не слишком убедительно, книга уже была на сносях, провалились и попытки лубянской агентуры повлиять на издатель и правительства западных стран хотя бы повременить с изданием на несколько месяцев.

Тогда Виктор Луи делает гениальное предложение: вместо догонялок сыграть на опережение, издав на Западе «свой» вариант книги - раньше, чем выйдет оригинал. Виктор Луи получает копию рукописи, изымают КГБ у детей Светланы, там делаются купюры, изымаются тревожащие Кремль эпизоды. Луи получает комплект фотографий из личного архива Сталина и вывозит фальсификат на Запад.

Липовые «мемуары» выходят раньше настоящих, сбив основной ажиотаж.

С Луисом Карваланом

Потом была спецоперация против Солженицына. Вот уж тут Виктор Луи во всей красе раскрыл свой богатый потенциал не просто стюкача, но инициативно-провокатора-садиста. Для дискредитации Александра Исаевича весной 1968 года Виктор Луи предложил продать копию рукописи «Ракового корпуса» европейским издателям. Соль «шутки» в том, что тогда у КГБ появился бы предлог не просто для запрещения книги, но и для ареста писателя «за антисоветскую пропаганду за рубежом».

В эмигрантском издательстве «Грани» разгадали этот маневр и даже нанесли неслабый ответный удар: издательство направило в «Новый мир» телеграмму, где говорило, что КГБ через Виктора Луи переслал на Запад экземпляр «Ракового корпуса», чтобы заблокировать его советскую публикацию.

Но Луи выкрутился и тут: 16 марта 1969 года он публикует в «Вашингтон пост» подложное интервью Солженицына, в котором якобы сам писатель жалуется на свою судьбу, с одобрением отзываясь о нападении немцев на Советский Союз, даже оправдывает Сталина. Вряд ли это что-то обмануло, но скандал был страшный, а липовое интервью послужило поводом для усиления гонений на Солженицына.

Вполне естественно, что такого инициативного товарища бросили на наиболее крупных диссидентов, прежде всего «на Сахарова». Академик Андрей Сахаров в мемуарах вспоминал, как Виктор Луи опубликовал в своей «Ивинг Ньюс» статью, из которой следовало, что именно диссиденты ответственны за взрыв

бомбы в московском метро 8 января 1977 года.

Во время ссылки академика Сахарова в Горький Луи становится главным действующим лицом спецоперации против него. В 1984 году академик объявил голодовку, вызвавшую колоссальный резонанс на Западе.

Луи предложил идею, как сбить накал страстей, и самолучно взялся за ее реализацию. Ему организуют интервью с Сахаровым в горьковской ссылке, затем он за огромные деньги продает «творчески доработанное» интервью западногерманской газете Bild. Но, главное, прикладывает к тексту снимки и фильм, якобы снятый им там же во время интервью. На фотографиях Сахаров выглядел вполне здоровым и бодрым, даже в меру упитанным, а фильм вообще демонстрировал, что академик не голодает, а ест, прибавляет в весе, гуляет, проходит медосмотр, получает препараты, беседует за чаем: весь цимес был в том, что Луи выдал раннюю оперативную съемку КГБ за свои кадры периода голодовки.

Но цель была достигнута: после демонстрации этих кадров кампания в защиту Сахарова пошла на убыль.

Свою последнюю сенсацию Луи выдал в 1987 году, опубликовав в ФРТ материалы допросов немецкого пилота-любителя Матиаса Руста, приземлившего «Сессну» на Красной площади.

Но эпоха перестройки и гласности лишила нашего фигуранта монополии на эксклюзивчик от КГБ, и он как-то в момент скис. Тем паче косяком пошли проблемы со здоровьем, операции.

Но не тайной полицией единой, должна же быть и практическая польза от азефовщины, хоть какие-то радости в жизни. У Виктора Луи была дача. И коллекция. Дача не простая - настоящая вилла в Баковке. Оттапливаемый бассейн в подвале - это в поселке, где, по выражению одного коллеги, «туземцы еще долго ходили с ведрами за водой к колодцу». В гостиной, разумеется, камин и напольные часы, каждые четверть часа отбивавшие мелодию, точь-в-точь как лондонский Биг-Бен. Теннисный корт. Огромное собрание вин и коньяков, древних икон, картин и бронзы, парк со скульптурами работы Эрнста Неизвестного. И, главная гордость Луи, - уникальная коллекция автомобилей, равных которой в стране не было: спорт-кабриолет Bentley 4 1/4 Litre работы кузовного ателы Erdmann und Rossi - Jos. Neuss 1938 года выпуска; несколько Mercedes-Benz и Volvo, старинный BMW 328, Porsche 911, Ford Mustang, Land Rover, Oldsmobile, кэмпер на шасси VW Transporter. Для своих любителей Луи построил гараж на десяток машиномест, где были смотровые ямы, помещения для водителей, запасы бензина и отдельная электростанция. Когда Луи приобрел Bentley, ее ремонтировали рабочие спеццеха ЗИЛА, несколько месяцев ездившие в Баковку как на работу. А потом Луи отправил Bentley на «дормонтирование» в Англию!

Луи кичился тем, что объездил чуть не весь мир - благодаря КГБ:

- Вот карта, - говорил Виктор. - Поглядите, где я был.

Карта мира на стене была сплошь испещрена знаками.

Красиво жить не запретишь, да Лубянка и не запрещала, но только своим и не всем - лишь самым талантливым и необходимым. Сотрудничество с тайной полицией само по себе не клеимо, все от человека зависит: и чекисты разные, и осведомители - тоже люди. В тех или иных связях с Лубянской замечены и отмечены многие известные литераторы, журналисты. Но вот их имена, невзирая на эти связи, произносятся с уважением, а кого ни спроси про нашего героя, все твердят, как сговорившись: поганый был человечиком, подонком, запродавший душу дьяволу. Одним он напоминает семеновского провокатора Клауса, другим - бугаковского барона Майгеля из «Мастера и Маргариты», служащего в Зрелищной комиссии в должности ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы.

Видать, «стук» и провокация были для Виктора Луи не просто работой, а любимым делом, настоящим призванием, в которое он вложил весь свой талант и рвение.

Что ж, страна должна знать не только своих героев, но и таких вот подручных с дьявольской кухни.

Раритетный Bentley из автомобильной коллекции Виктора Луи